

Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 30-31

К 300-летию основания С.-Петербурга

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

Главный редактор

*Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*

Редактор И.В. Попов

Выпуск 30-31

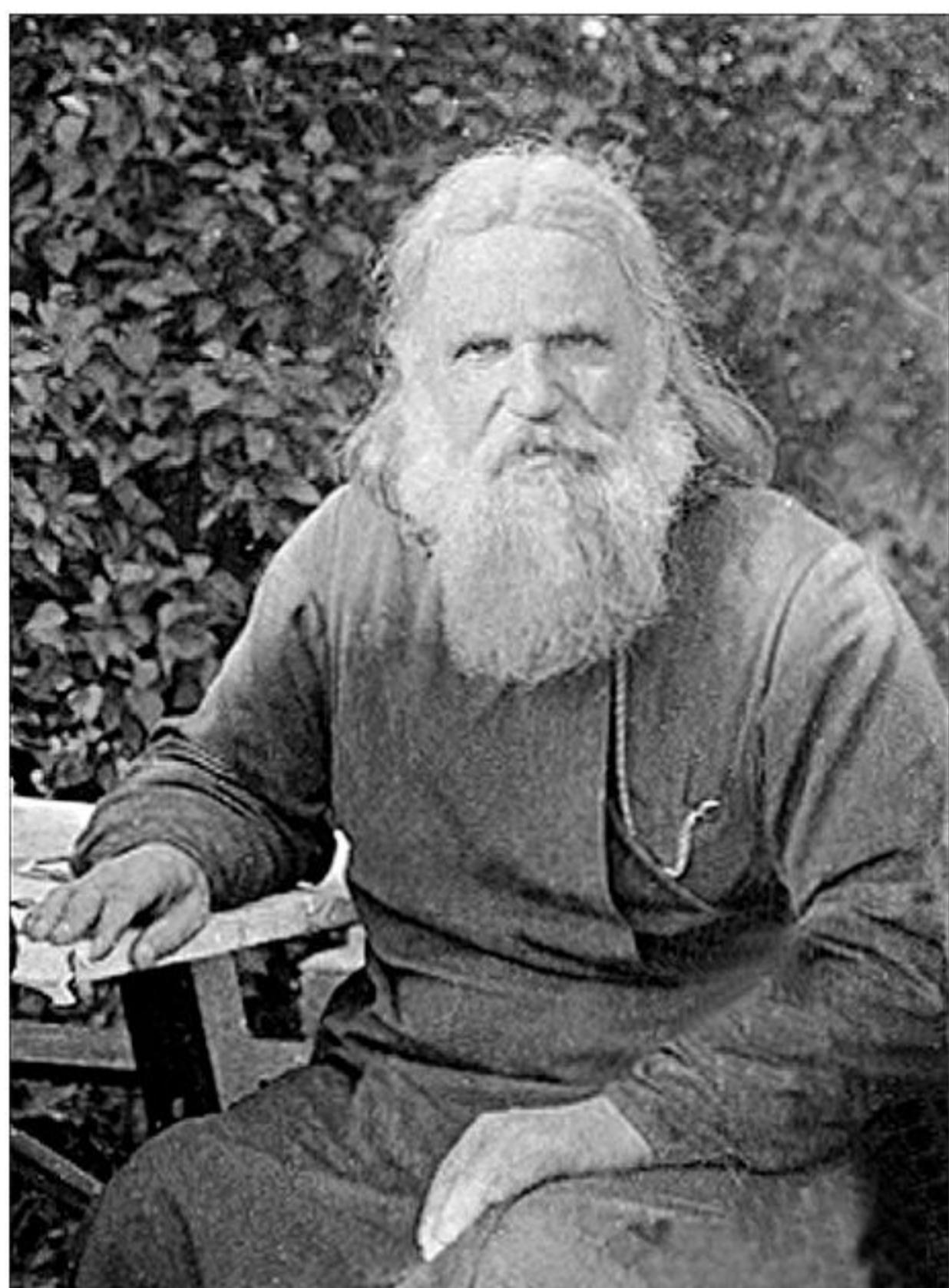
КРЕСТ ПРОТОИЕРЕЯ МИХАИЛА ПОСПЕЛОВА

Как плохо мы еще знаем нашу новейшую церковную историю! Как мало осведомлены о подвижниках благочестия и мучеников за веру XX века, хотя прошли уже десятки лет со дня их кончины, открыты архивы, опубликованы документы и свидетельства. Эти подвижники и новомученики имелись почти в каждом приходе, но спросите о них современного прихожанина и в ответ услышите молчание, в глазах увидите недоумение.

Действительно, ленивы мы и нелюбопытны. Какое нам дело до исторических изысканий немногих энтузиастов, которые по крупицам собирают сведения о наших небесных богомольцах, пострадавших «от безбожных и злых» во времена долгих атеистических гонений. Нам хватает и известных угодников Божиих, зачем нам какие-то новые? И на наших глазах умирают последние свидетели жизни новомучеников, сжигаются их письма, выбрасываются их реликвии.

Память о петроградском протоиерее Михаиле Поспелове (1878-1943), к счастью, бережно сохранили его родные. Отца Михаила не расстреляли за веру, он не погиб от непосильного труда на лесоповале в тайге или на колымских рудниках. Он умер в ссылке, претерпев все скорби и гонения, выпавшие на долю православного духовенства в 1920-30-е годы в бывшей столице Российской империи. Кроме скорбей от «внешних» батюшка испытал также много личных бед, но это не сломило его дух, не умалило его веру, и он в самых трудных условиях вел себя как подобало истинному христианину и пастырю.

Михаил Иоаннович Поспелов происходил из потомственного духовенства. Его отец – протоиерей Иоанн Федорович (1841-1918) после окончания столичной Духовной семинарии был в 1865 году рукоположен к Казанской церкви в Тосно, где прослужил до 1878 года, когда его перевели в Воскресенский Новодевичий монастырь на Забалканском проспекте, главный женский монастырь в столице. Настоятельницей его была

игумения Феофания (Готовцева). На этом месте отец Иоанн оставался до 1893 года, после чего вошел в клир церкви Смоленской Божией Матери на Смоленском кладбище. В клире этой старинной церкви он находился до своей кончины, проживая с семьей в доме причта на Камской ул., 14.

Семья состояла из жены: Екатерины Ивановны, урожденной Аландской, четверых сыновей и двух дочерей: Екатерины и Надежды, будущей учительницы. Брат отца Иоанна – Василий до 1905 года значился диаконом в Никольской церкви военно-морской тюрьмы, располагавшейся в Петербурге, в Новой Голландии.

Судьба сыновей настоятеля Смоленского храма: Николая (1870-1912), Павла (1872-1920), Сергея (1873-1935) и Михаила (1878-1943) сложилась по-разному и подчас драматически. Все они успешно закончили Вторую классическую гимназию на Казанской улице, куда ходили пешком с Забалканского проспекта. Однако старшие Николай и Павел не продолжили семейную традицию: первый пошел служить чиновником в Министерстве путей сообщения и, дослужившись до коллежского советника, умер холостяком еще при жизни отца, вместе с которым проживал; второй, закончив Военно-медицинскую академию, стал врачом в пехотном полку. Павел участвовал в русско-японской и Первой Мировой войне, когда попал в немецкий плен после окружения армии Самсонова в Мазурских лесах. Вернувшись из плена, работал в новгородском госпитале и скончался от гриппа, оставил вдову с шестью детьми. Его фельдшером и учеником был известный позднее советский онколог академик Н.Н. Петров, сослуживцем – брат историка Е.В. Тарле.

Сергей и Михаил Иоанновичи Поспеловы прожили дольше, чем их старшие братья. Они пошли по стопам отца, став священниками в Петербурге. Обоим, однако, пришлось в полной мере испытать гонения, которые обрушила на православное духовенство большевицкая власть. И жизнь свою братьям-священникам пришлось не по своей воле завершить вдали от родного города.

Хотя все начиналось вполне благополучно. Благочестивая семья, светлое детство, учеба в известной гимназии, затем Духовная академия у Михаила, университет у Сергея. По окончанию академии в 1899 году со степенью кандидата богословия Михаил женился на поповне Анне Ивановне Демкиной (1874-1946), дочери долголетнего и всеми уважаемого настоятеля Благовещенской церкви на углу Малого пр., 31 и 6-й линии. 19 ноября 1899 года он был рукоположен в диаконы, три дня спустя – митрополитом Антонием (Вадковским) во иеряя и назначен настоятелем церкви свт. Тихона Задонского в Александровском детском приюте на Крестовском острове. В приютской церкви молодой батюшка прослужил менее года. Благодаря, очевидно, протекции тестя он 20 сентября 1900 года получил престижное место – священника церкви Императорского Александровского лицея и законоучителя в нем с жалованьем 1750 рублей в год.

Одновременно, с 1901 года, отец Михаил был сверхштатным законоучителем в Морском кадетском корпусе и летом 1907 года совершил с гардемаринами учебное плавание по Балтийскому морю на крейсере «Аврора», будущем символе большевицкого переворота. Корабль посетил Либаву, Стокгольм, Гельсингфорс, участвовал в маневрах. Батюшка долго вспоминал это недолгое плавание и любил повторять, что стал бы моряком, если бы не был священником. Плавать однако ему больше не пришлось.¹

Годы служения в лицее были самыми счастливыми в жизни молодого священника. Лицеисты его любили за умеренно-либеральные взгляды (в революционном 1906 году о. Михаил выпустил даже брошюру «Христианин в государстве»), но на них косилось начальство. Батюшка окормлял сыновей представителей самых видных familiy России: Гагарных, Врангелей, Дурново, Толстых, Голицыных, воспитывая из них настоящих христиан. С 1910 года в лицее учился Вел. Кн. Олег Константинович, павший в Перовую Мировую войну. В том же году батюшка был награжден наперсным крестом, а два года спустя назначен настоятелем лицейской церкви, в которую посторонние не допускались. Службы для учащихся были обязательными и начальство строго следило за их посещением.

В казенной квартире на Каменноостровском проспекте подрастали трое детей: Вера (1902-1980-е), Сергей (1904-42) и Софья (1907-85). Старшая обещала стать художницей, Сережа мечтал о дальних путешествиях, Соня имела способности к языкам. Детей учили читать по сказкам Пушкина, ибо в лицее существовал культ поэта, действовал его мемориальный музей. В январе 1912 года, в присутствии Императорской семьи, торжественно отмечалось столетие лицея. Архиепископу Сергию (Страгородскому), будущему Патриарху, в лицейской церкви сослужил отец Михаил, награжденный

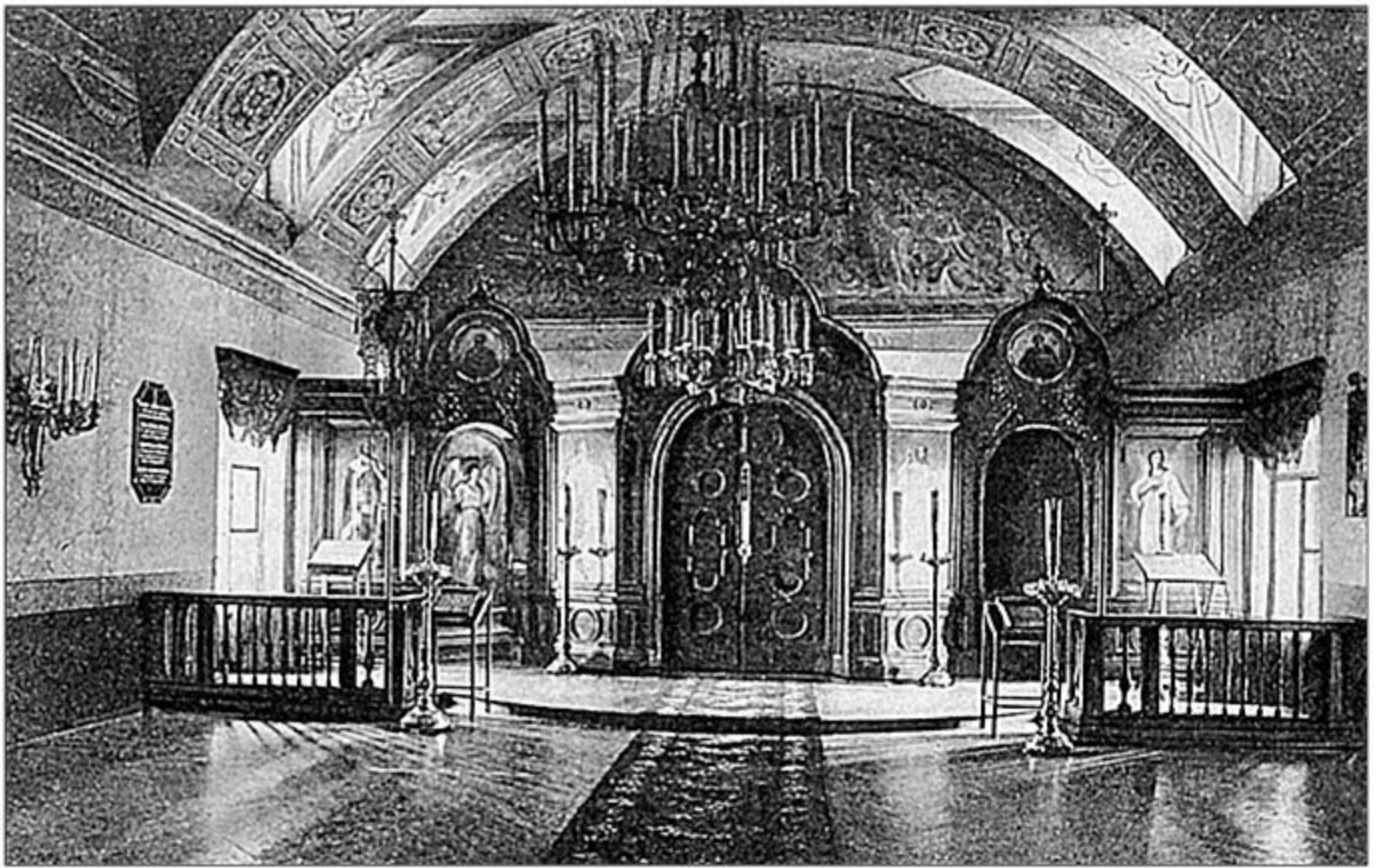
Священник Михаил Поспелов с супругой Анной Ивановной по случаю юбилея памятным знаком. Праздничный обед проходил в Зимнем дворце.

Анна Ивановна работала детским врачом по полученной в Женском медицинском институте специальности. В 1915 году умер ее отец, и муж занял освободившуюся вакансию в Благовещенской церкви. Семья переехала в сперва на 7 линию, 70, а позже – в большую квартиру церковного дома на Малом проспекте, где обитала, несмотря на «уплотнение», до высылки отца Михаила в провинцию. Летом по-прежнему отдыхали на даче в деревне Салези под Гатчиной. В 1918 году батюшка был награжден саном протоиерея.²

Поскольку Благовещенская церковь была приходской, новая власть не стала ее закрывать сразу, и до 1920 года протоиерей Михаил оставался на прежнем месте, после чего перешел служить в находившее по соседству бывшее Благовещенское синодальное подворье. Однако месяц спустя случилось большое несчастье, изменившее всю жизнь еще не старого священника. Он сам так рассказывал об этой беде, вызванной условиями тогдашней разрухи: «В октябре 1920 года я участвовал в сломе деревянного сарая на дрова и мне нечаянным образом

Дети о. Михаила:
Вера, Сережа и Соня
Поспеловы. 1910 г.

С.-Петербург. Церковь мц. Царицы Александры в Александровском лицее, где служил о. Михаил

перебило позвоночник и переломило стопу правой ноги свалившимися с крыши стропилами. Вследствие перелома позвоночника получился паралич ног».

Шесть месяцев лечения в больнице облегчения отцу Михаилу не принесли, и он превратился в инвалида первой группы, который, разумеется, не мог служить в церкви. Пришлось выйти за штат. Только в 1924 году он начал понемногу передвигаться на костылях, но ноги еще целых шесть лет оставались бесчувственными. Однако постоянные ванны, растирания, физические упражнения сделали свое дело – в начале 1930-х годов к ногам снова вернулась чувствительность, но передвигаться по квартире он мог лишь при помощи ходунков.

Несмотря на постигшее его испытание отец Михаил сумел преодолеть первоначальное уныние и наступившее безделье и превратил в церковь свою квартиру, где стали собираться его духовные чада. В этой церкви он «устраивал богослужения, исповедывал, причащал, поучал и наставлял». На праздничные службы, с пением и «словом», в квартиру приходило до 20 человек. Это количество уменьшилось до двух-четырех после того, как квартиру «лишенца» уплотнили, оставив ему одну комнату. Здесь имелся походный антиминс и полный набор богослужебных предметов и облачений.

Семья свящ. Михаила Поступова на даче в с. Вартемяки.
1910 г.

При обыске в 1933 году у священника изъяли: два антиминса, облачение, складень с мощами, икону прп. Елеазара со св. мощами, серебряные кресты, служебники. Власти, вероятно, знали о постоянных тайных службах (подселенец Николаев был «сознательный» рабочий), но им не препятствовали, ибо батюшка не был враждебно настроен к советской власти. Когда в 1927 году митрополит Сергий (Страгородский), патриарший местоблюститель, в своей декларации официально объявил о лояльности к безбожному режиму, отец Михаил поддержал эту декларацию, т. е. стал «сергианином», что на несколько лет избавило его от притеснений.

Духовных чад и почитательниц у батюшки-калечи было не так много, хотя, называя их на допросе, он отказался перечислить окормлявшихся у него тайных монахинь. В основном это были интеллигентные женщины зрелого возраста, вдовы или «бывшие», которые в вере укрепились после революции и «стремились оградить себя от влияния советского общества и советской культуры». К ближайшим духовным чадам принадлежала София Николаевна Бессонова (род. 1881), дочь потомственного дворянина, окончившая в 1896 году Петербургскую консерваторию. После революции она работала в Публичной библиотеке и снабжала отца Михаила нужными книгами. В ссылку Бессонова поехала вместе со своим духовным наставником.

Ее ровесницей была Анна Алексеевна Тишинская (род. 1880), выпускница Павловского института. После ухода сожителя она пыталась покончить с собой, но отец Михаил остановил отчаявшуюся женщину, которая с великой благодарностью отзывалась о его советах. Он «давал своим последователям очень сложную религиозно-философски обоснованную жизнь, без которой обходиться было трудно или совсем невозможно». Тишинская тоже поехала с отцом Михаилом в Галич, чтобы не остаться без его окормления. В Ленинграде эта «павловка», дочь мирового судьи, продавала в киоске папиросы.

На допросе прозвучали и другие имена: Ольги Эдуардовны Мещерской, матери филолога Н.А. Мещерского, с 1932 года отбывавшего срок на Соловках за участие в православных кружках, Марии Борисовны Робба, Анны Алексеевны Потаповой, «нянюшки», которая самоотверженно ухаживала за инвалидом, пожилой медсестры Марии Павловны, домохозяйки Татьяны Григорьевны Тимофеевой (род. 1873), активной участницы нелегальных религиозных собраний. Сына-коммуниста она убедила выйти из партии и обвенчаться в церкви. Были названы также имена тайных монахинь, регулярно приходивших к отцу Михаилу: Анны (Лидии Васильевны Боярской), вдовы управляющего бумажной фабрикой Печаткиных, Евпраксии (Екатерины Алексеевны Лебедевой), Михаилы (Олимпиады Васильевны) и «Дунюшки», муж которой погиб в Первую Мировую.

В те годы монахини обычно жили маленькими общежитиями по квартирам.

Не имея возможности свободно передвигаться по городу, служить в еще незакрытых храмах, много общасться, отец Михаил нашел для себя вполне подходящее интеллектуальное занятие – занялся богословием. Он постоянно размышлял «о догматах истинно православной христианской веры», и в 1930 году завершил книгу в 5 печатных листов «Техника умственного труда» (психология, методика, техника, гигиена), практическим правилам которой старался следовать. В основу трактата «была положена идеалистическая психология о существовании души». Машинописную копию этой книги протоиерей отправил на хранение Лидии Павловне Кравцовой в Ростов-на-Дону (может быть копия уцелела?). Он также «задумал написать большой исследовательский труд о системе православного догматического богословия, но в последнее время (перед обыском – *Авторы*) стал сомневаться в возможности ее окончания...». Повидимому, этот ценный труд под условным названием «Антропология» (по словам жены, «сгусток идеалистических исследований») завершен не был – помешали арест и последующая ссылка.

Собственно говоря, самого отца Михаила чекисты, проводившие 11 января 1933 года обыск на его квартире, не арестовали – ведь он был инвалидом. Вместо него под стражу взяли супругу Анну Ивановну. В Доме предварительного заключения ее держали до 28 марта и при освобождении взяли подпиську и невыезде и неразглашении. Когда в ссылке разговор заходил о тех тяжелых временах, Анна Ивановна, неторопливо вставив папироску в янтарный мундштучек и затянувшись, только произносила: «О, это тайна мадридского двора». Куриль она стала в тюрьме.

В конце допроса подавленная Анна Ивановна признала: «Считаю своей ошибкой, что не устранила того положения, которое создалось вокруг моего мужа». Это признание, как и показания отца Михаила, для следствия имели лишь второстепенное значение, ибо все приговоры по данному делу (да и по всем другим подобным) были предопределены самой концепцией антирелигиозной борьбы, требовавшей регулярно запугивать и подавлять православное духовенство и верующих.

Медицинское обследование определило у А.И. Поспеловой склероз сердца и ее непригодность к физическому труду, что автоматически освобождало от лагеря. Да и возраст у подсудимой был пенсионный. 5 апреля тройка ОГПУ вынесла супругам приговор: минус 12 (т. е. запрет жить в 12 городах) на три года.³ Для ссылки был выбран древний Галич Костромской области, куда выехали по железной дороге в мае, навсегда покинув родной город на Неве.

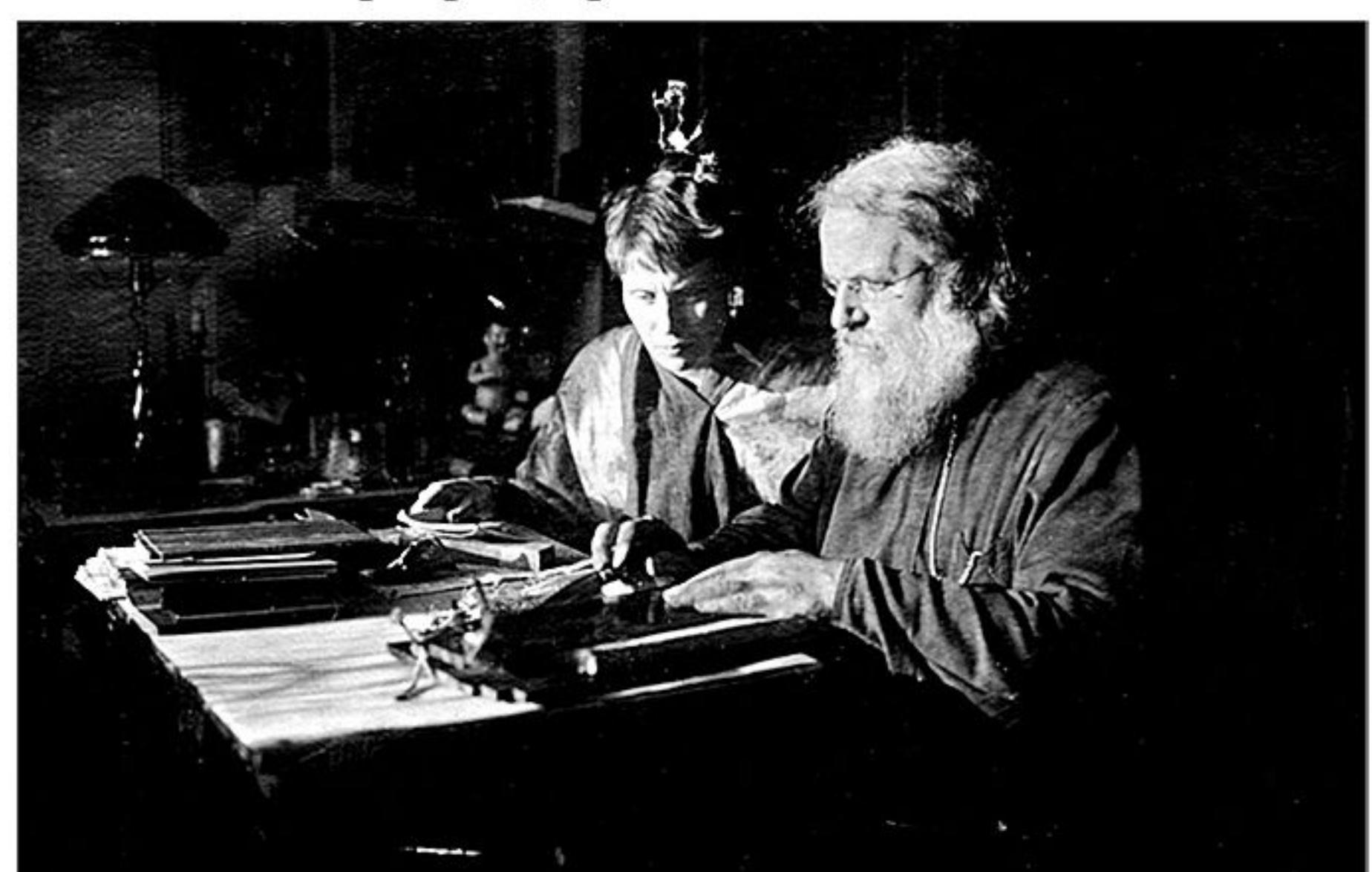
Отец Михаил, его матушка и духовные чада были

С.-Петербург.
Благовещенская
церковь

репрессированы по делу «Русского студенческого христианского движения», которое местные чекисты сфабриковали в 1933 году. По этому облыжному и сильно раздутому делу прошли 100 человек, мирян и священников, которых обвиняли в создании в Ленинграде и Новгороде филиала белоэмигрантской религиозной организации и в антисоветской деятельности под лозунгом: «Коммунизм и религия несовместимы как взаимно исключающие друг друга идеологии». Большинство арестованных осудили на 5-10 лет лагеря, шестерых приговорили к смертной казни, замененной затем на 10 лет лагерного срока. Дело в «Большом доме» вел известный А. Стромин (Геллер), спец по религиозным процессам.

Отец Михаил и Анна Ивановна не имели однако никакого отношения к названной организации; к ней были причастны (да и то косвенно) лишь некоторые духовные чада – они посещали занятия религиозных кружков. Правда, сам батюшка в первой половине 1920-х годов был знаком с людьми, которые затем вошли в филиал РСХД, и – по его собственному признанию – «служил в частных квартирах, проводил собеседования... читал

Прот. Михаил Поспелов с дочерью Верой. 1929-1931 гг.

Матушка Анна Ивановна Поспелова.
Тюремная фотография. 1933 г.

проповеди и делал назидательные наставления».⁴ Затем он совершенно отошел от этой деятельности вне дома, но чекисты все же сочли его влиятельной и общественно- опасной личностью, вокруг которой группировалась определенная религиозная оппозиция их политике, и поэтому постарались убрать отца Михаила из города, изолировать от преданного ему православного окружения.

Галич в то время был тихим и уютным провинциальным городком, с длинными улицами вдоль озера, застроенными большей частью добротными деревянными домами. Каждый дом стоял на осблицу, за высоким забором, со своим садом и огородом. Вокруг города тянулись густые леса, леса без конца и края. Жизнь текла неспешно, сонно, но под треск официальной пропаганды. Большинство старинных церквей в «пятилетку безбожия» было закрыто.

Анна Ивановна купила четверть деревянного дома с огородиком на ул. Ленина, 49. Дом был старый, двухэтажный, с мезонином, окна которого украшали цветные стекла. В квартире на первом низком этаже имелось три комнаты: спальня, столовая и проходная,

Отцовское благословение. 1930-е гг.

расположенная рядом с кухней. Спальня принадлежала отцу Михаилу, столовая – его жене, которая работала педиатром в местной поликлинике. Здесь стоял ее письменный стол, стеллаж с книгами и врачебной документацией. Рабочий стол батюшки находился в спальне. На нем все было разложено в строгом порядке: заточенные карандаши, простые и цветные, тетрадки в ледериновых переплетах ... В проходной комнате жила Елизавета Рафаиловна Глазова, «Лизетта», тоже высланная из Ленинграда. Ее муж сидел в тюрьме в Тотьме Вологодской области.

У Поспеловых была домработница «Юленька» – одинокая старая дева, навсегда напуганная издевательствами над своим отцом, бывшим городским головой. Она ставила самовар, а после завтрака убирала комнаты и готовила обед. В летнее время отец Михаил, одетый в подрясник, «выходил» после завтрака на двор. Этот выход был довольно сложной процедурой. На стуле-санках он доезжал до лестницы и преодолевал ее, подтягиваясь на руках. При помощи двух палок пересаживался на низенький стул, с него – на высокий, на колесиках. Сидя на этом стуле, батюшка не только пилил, но и колол на дворе дрова, заготавливая их на зиму.

За скромным ужином (рыбная запеканка, чай, хлеб с вареньем) все собирались у самовара, под большой керосиновой лампой. Обсуждались дневные происшествия: Анна Ивановна неторопливо рассказывала о делах в школах, детсадах, горздраве, Лизетта – о событиях в больнице, где она работала делопроизводителем. После молитвы все оставались за столом. Кто-нибудь из взрослых читал вслух из Диккенса, Дюма или рассказы из «Нивы». Анна Ивановна шила, но иногда от этого занятия ее отрывали срочным вызовом к заболевшим детям. Внешне атмосфера в доме мало отличалась от питерской, хотя это была ссылка. На питание не жаловались – Галич издавна славился своей рыбой.

На праздники, Рождество и Пасху в доме келейно служился молебен. Его служил отец Николай из закрытой местной церкви. Комнаты намывали, полы натирали воском, пахло пирогами или куличами. На молебнах присутствовали С.Н. Бессонова и А.А. Тишинская, духовные чада отца Михаила, тоже высланные в Галич, верующие соседи. На Рождество в столовой ставилась пушистая елка. Так как игрушек в продаже не было, их мастерили сами: золотили орехи, из журналов и открыток вырезали цветы, раскрашивали флаги. Всем детям дарили подарки. Вечером, после праздничного молебна, отец Михаил доставал цитру и под ее звуки пел бархатным баритоном «Нелюдимо наше море», «Вечерний звон», русские романсы. Но его внучку Тату (Наталью Алексеевну Цветкову) в детском саду учили петь другие, советские песни...

Весной 1936 года срок ссылки кончился, но в Ленинград осужденные не вернулись, просто возвращаться

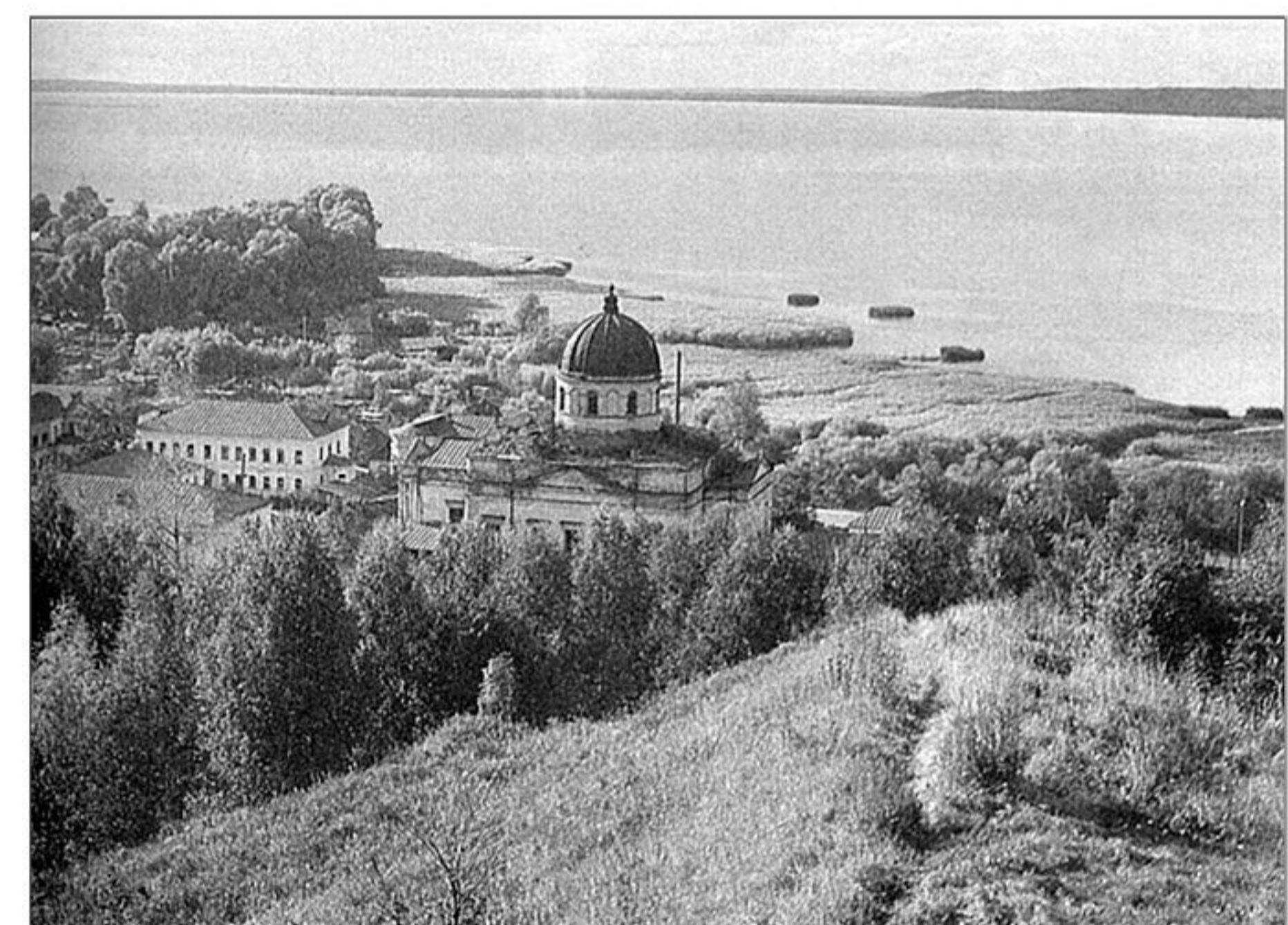
было некуда – прежняя жилплощадь была занята. Если бы в город вернуться все же удалось, вряд ли пожилые супруги Поспеловы через пять лет сумели бы пережить в нем блокаду.

Когда началась война, Галич наводнили эвакуированные. Из Ленинграда приехали Софья с новорожденным сыном, невестка Антонина с дочерью, племянница Анны Ивановны с двумя девочками. Ввели карточки, по которым выдавали только хлеб, да и то с перерывами. На хлеб тонким слоем намазывали варенье из свеклы с луком. Вместо чая заваривали травы, сахар заменил сахарин. Рынки и магазины опустели. Зима 1941–1942 годов выдалась очень суровой.

Началось недоедание, от которого пожилой отец Михаил, отдававший часть еды эвакуированным детям, стал заметно слабеть. Он все больше времени проводил в спальне, меньше двигался и трудился физически. Много молился, читал и конспектировал, по-прежнему интересуясь философией, психологией, русской историей. Как мог, собирал нужные книги. Приходилось также улаживать конфликты между женой и дочерью, которая вскоре, правда, уехала с мужем работать в сельской школе. В конце концов все родственники покинули Галич, и отец Михаил остался вдвоем с матушкой.

В августе 1942 года у него случился первый, пока легкий инсульт, который, однако, в конце года повторился и оказался сильнее. Батюшку положили в городскую больницу, но паралич развивался – постепенно отказали руки, речь, зрение. 14 января 1943 года протоиерей Михаил Иоаннович Поспелов отошел ко Господу, несколько месяцев не дожив до 65 лет. Хоронили его в лютый мороз на местном кладбище. Анна Ивановна писала в Монголию племяннице покойного: «Ушел от меня мой старший ребенок, великий оптимист, всю жизнь стремившийся к совершенствованию». В сентябре 1946 года скончалась от сердечной слабости и она. Весь город провожал популярного у народа доктора Поспелову в последний путь. Сохранились ли в Галиче могилы ссыльных супружес?

Старший брат отца Михаила – Сергей тоже стал священником, хотя не сразу последовал этому призванию. После гимназии он поступил в Петербургский университет, на естественное отделение физико-математического факультета. По окончанию был принят в Министерство земледелия, заслужив за работу в нем два ордена: Станислава и Анны 3-й степени. Однако эта работа не удовлетворяла Сергея Ивановича, и он в возрасте 30 лет начал посещать лекции в Духовной академии. Сдав необходимые экзамены, 5 ноября 1909 года был рукоположен в священники к древней церкви сщмч. Климента Римского в Новой Ладоге. Перед этим он женился на Наталье Алексеевне Сперанская, дочери умершего настоятеля Смоленского кладбищенского храма, взяв на себя заботу об ее многочисленных близких.

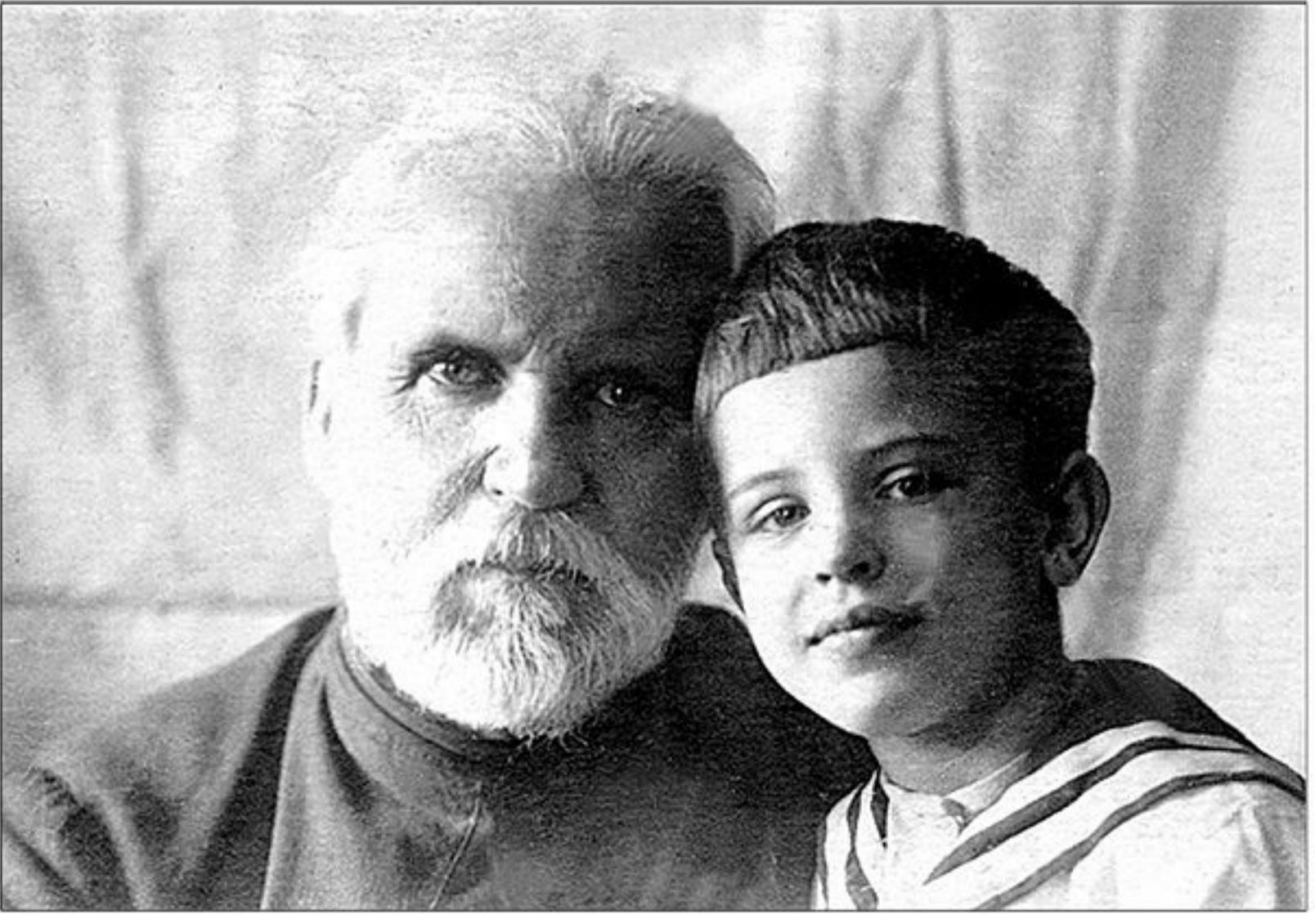

Галич. Общий вид города. Фото 1970-х гг.

В 1911 году батюшку перевели в Петербург, в Новодевичий монастырь, где некогда служил его отец, а четыре года спустя – в церковь его покойного тестя. После революции, спасая семью от голода, отец Сергей перевез в Сиверскую больную жену и четверых детей. Однажды ему сообщили, что жене очень плохо. Поезда не ходили, но каким-то чудом до Сиверской удалось добраться. Об этом времени так вспоминала племянница Елена Павловна, дожившая до 92 лет: «И вот ночь... дети болеют коклюшем, их уложили спать. В доме нет ничего, кроме лепешек из дуранды. Тетя Наташа умирает... Дочь Оля всю ночь греет на керосинке воду для грелки – ноги у матери холдеют. Кажется, что она вот-вот умрет. Куда бежать за помощью? Наступает долгожданный рассвет. В окно Оля видит, как сгорбившись с мешком идет папа. Тетя Наташа, услышав его голос, поднялась с постели. Проснулись дети, пищат, кашляют. А отец Сергей кормит с ложечки больную жену».

Жена через две недели скончалась от рассеянного туберкулеза, вскоре умерли и трое ее маленьких детей. Со вдовцом осталась лишь десятилетняя Оля (1909–89, в замужестве Щеглова), которой пришлось и учиться и заниматься домашним хозяйством. С 1915 года отец Сергей служил на Смоленском кладбище. Смертность после революции резко возрасла, отпеваний и панихид на кладбище прибавилось. Постепенно голодать перестали, жизнь наладилась. Одновременно нарастили гонения на духовенство, закрывались храмы. Когда в 1921 году все храмы на кладбище забрали обновленцы, батюшка перешел служить в деревянную часовню прпп. Сергия и Германа Валаамских, бывшее подворье Валаамского монастыря на 16-й линии, 81, находившееся неподалеку от кладбища. Однако в 1932 году власти часовню закрыли, и отец Сергей остался без места. С этого времени он зарабатывал на пропитание случайными панихидами на могилах.

Длилось это недолго – 22 декабря 1933 года «бродячего попа», выпускника университета, арестовали по

Прот. Михаил Поспелов с внучкой Наталией.
25 мая 1939 г. Галич

т. н. «делу евлогиевцев» и после суда отправили на три года в концлагерь на Сахалине, откуда он уже не вернулся. Предположительно, он скончался в заключении в 1935 году от тяжелого и непосильного труда. Последний раз живым его запомнили при погрузке угля на судно. Выглядел отец Сергей очень изможденным и больным.⁵

Как сложилась судьба детей его брата – протоиерея Михаила? Дочь Вера, волевая и энергичная, уехала в Москву, выйдя в 1926 году замуж вторым браком за Б.С. Ухова, преподавателя, а затем директора Инженерно-строительного института. Жила она обеспеченно, в большой квартире, воспитывала дочь и сына и умерла в конце 1980-х годов. Репрессии ее семьи не коснулись, а с семьей отца особо тесных отношений Вера не поддерживала. Сын Сергей стал профессором МИСИ, дочь Татьяна занималась фресками кремлевских соборов, защитила кандидатскую диссертацию по древнерусской живописи. Жизнь ее закончилась трагически.

Когда Вера уехала из Ленинграда, с ее отцом остались жить единственный сын Сергей и младшая дочь Софья. После учебы в трудовой советской школе Сергей не смог из-за своего социального происхождения поступить в вуз, а только в Топографический техникум, по окончанию которого в 1924 году работал на картографической фабрике, затем в Главном управлении геодезической картографии. Женат он был на Антонине Гавrilовне Батюшевой (1901-81) и имел единственную дочь Нину (род. 1932). Высылка отца не коснулась Сергея, и он был по специальности призван в армию, приняв участие в войне с Финляндией и Германией. Жизнь его оборвалась 12 марта 1942 года при артобстреле осажденного Ленинграда. Топограф был убит на Московском проспекте шальным снарядом. Отец узнал об этом в далеком Галиче, куда должны были командировать сына. С гибелью Сергея пресеклась фамилия этой ветви Поспеловых.

Одаренная Софья после школы тоже «по классовому признаку» не сразу, а лишь с третьей попытки была принята на отделение восточных языков (китайский и манчжурский) Ленинградского университета. Параллельно она четыре года училась игре на рояле и на курсах изучала бухгалтерию. В 1930 году, поступив наконец-то в университет, девушка вышла замуж за немца Николая Леоновича Зубера, радиотехника, который умер в 39 лет от отравления грибами.

В 1936 году, когда отец уже находился в ссылке, Софья Михайловна стала научным сотрудником Эрмитажа, проработав в нем с перерывами до 1947 года. Характер у нее был тяжелый, от веры она отошла. В эвакуации жила в Галиче и Свердловске, в 1947-48 годах находилась со вторым мужем А.Н. Кочетовым, политработником, в Восточной Германии. Защищила в 1946 году кандидатскую диссертацию о мертвом городе Хара-Хото. Вернувшись в Ленинград, была принята в Институт востоковедения, читала лекции в университете, печаталась в научных изданиях, участвовала в составлении большого китайско-русского словаря. Но в 1957 году С.М. Кочетову (Поспелову) поразил пожизненный и неизлечимый недуг, который навсегда прекратил ее научную деятельность. Дочь – Наталья Алексеевна Цветкова написала неопубликованные воспоминания о семье и своем детстве, которые были ею использованы в данной статье.⁶

Судьба протоиерея Михаила Поспелова очень типична для своего нелегкого времени. Ему в какой-то степени «повезло» – он умер в собственной постели, тогда как большинство русского духовенства в те же самые годы заканчивали жизнь на лагерных нарах или в расстрельной камере. Но как и это большинство он до последнего вдоха сумел сохранить православную веру, в которой был воспитан и которой служил долгие годы, даже будучи прикован к инвалидному креслу. Такое мужественное служение и крестоношение заслуживает того, чтобы о нем знали и помнили и в наши дни.

Примечания:

¹ ЦГИА СПб, Ф. 1821. Оп. 1. Д. 86; Ф. 2022. Оп. 1. Д. 12. Л. 22

² Н.А. Цветкова. Каждый нужен всем // Гардемарин (Кронштадт). 1990. № 90-912.

³ ЦГИА СПб, Ф. 276. Оп. 2. Д. 6263; Архив УФСБ, СПб. Д. П-66878. Т. 1. Л. 205-210; Т. 3. Л. 757-786; Т. 6. С. 1446-1448.

⁴ Н.А. Цветкова. Тайна мадридского двора // Семейная мозаика. Альманах. Обнинск-Найяк-Москва. (ризограф), 1999. С. 130-1384. В.В. Антонов. Пароль «Антиной» // Невский архив. Вып. 6. СПб. 2003. С. 247-264.

⁵ ЦГИА СПб, Ф. 678. Оп. 2. Д. 14; Синодик Санкт-Петербургской епархии. СПб. 2002. С. 1976.

⁶ Н.А. Цветкова. Каждая жизнь – роман (семейная хроника). Машинопись. 1993.